

Бета Копли

Души неопытной волненья¹ О романе в стихах Пушкина «Евгений Онегин»

Подростку приходится вступать в процесс взросления без предварительного знания о переменных, которые его ожидают. Собственно ощущение идентичности, которая проходит через перемены, может быть неустойчивым по самой природе этого возраста. Подросток может бояться и избегать «души неопытной волнений», связанных с возможностью перемен. Говоря о шекспировской пьесе «Много шума из ничего», мы видели, что застревание в латентном образе мышления может выступать одним из способов избегания тревоги. Роман в стихах «Евгений Онегин», написанный русским поэтом Пушкиным между 1823 и 1831 годами, помогает нам рассмотреть и потенциал изменений и развития, содержащийся в подростковом периоде, и возможные перипетии этого развития, блокирующие или высвобождающие его.

В этом обсуждении используется известный перевод сэра Чарльза Джонстона (Pushkin, 1979), и я многим обязана его работе, а также предисловию Джона Бейли. Я также упоминаю здесь музыку и постановку этого сюжета в одноименной опере Чайковского (1879). Известно, что либреттист Константин Шилковский работал в тесном сотрудничестве с Чайковским и следовал его пожеланию, чтобы в опере были представлены лирические сцены, в которых можно было бы узнать внутренний мир персонажей. Хотя опера не повторяет текст романа дословно, в ней нашли интересное применение комментарии Пушкина, описывающие персонажей и события. Пушкинский «Евгений Онегин» — это невероятно насыщенный труд, полный блестящих замечаний социального, политического и психологического характера. В русской литературе он занимает совершенно особое место, и представленная в нем картина русской жизни в дальнейшем много обсуждалась Достоевским и другими писателями. Онегинская скука, хандра — феномен, не только характеризующий определенную историческую атмосферу в России, но имеющие и более широкий контекст. Подобно богатству смыслов шекспировской пьесы, многоуровневость «Евгения Онегина» такова, что более глубокие слои смысла не заслонены более заметными, напрямую звучащими аспектами. Я буду говорить о теме подросткового возраста и изменений, но надеюсь, что отсылки к переводу позволят читателям сохранять ощущение особой эстетической картины этого романа, а может быть и помянут в более сложный мир оригинального текста.

Пушкинский роман остроумен, ироничен, циничен, пикантен, отдает дань и формальностям, и вольностям и часто глубоко трогает. Автор рисует героев то издали, то подходя вплотную: то он описывает их действия и эмоции, то комментирует их как свои творения («мой Онегин», «моя Татьяна») или пускается в несколько (но не полностью) отстраненные от основной линии рассуждения. Читатель переносится в мир, где оказывается вовлеченным в события наравне с героями и разными обликами автора и, как говорит Бейли (1979), свободен составлять собственные впечатления в пространстве, которое Пушкин называл «свободным романом». Быстрые колебания настроения от бескрылого догматизма до эфемерной тоски, между близостью и отдалением, между цинизмом, идеализацией и печалью — все они создают ту художественную ткань, которая передает свойственное подростковому возрасту ощущение мерцающего соприкосновения с различными сторонами человеческой эмоциональности.

---

¹ The Agitation of Inexperience: A Discussion of Pushkin's Verse Novel *Eugene Onegin*. From: Beta Copley. The world of adolescence. Literature, society and psychoanalytic psychotherapy. — Free Association Books, London, 1993. Перевод Ю.Пучковой.

Фабулу романа можно изложить довольно коротко. Евгений Онегин и его друг Владимир Ленский, поэт, наносят визит в поместье семейства Лариных. Ленский уже помолвлен с Ольгой, младшей дочерью. Старшая сестра, Татьяна, влюбляется в Онегина и пишет ему письмо с признанием в любви. Онегин отвергает ее чувства, однако ему предстоит следующий визит к Лариным, им овладевают жалость и нежность к девушке. Он пытается отмахнуться от этих чувств, а заодно отомстить Ленскому за инициативу этого знакомства, и флиртует с Ольгой. Ленский вызывает Онегина на дуэль и погибает. Спустя несколько лет Онегин вновь встречает Татьяну, теперь уже замужнюю даму, и теперь уже он пишет ей любовное письмо; она признает, что все еще любит его, но остается верной мужу, князю Грмину.

В начале истории (1.XXIII) Онегину восемнадцать лет, это модный дэнди, принадлежащий высшему свету Санкт-Петербурга. Он с нетерпением ожидает дядюшкиной смерти и получения наследства, о чем прямо себе признается: «Когда же черт возьмет тебя?» (1.1). С самого начала мы видим его фальшивую суть. Завсегдатай балов и обедов, он напропалую флиртует — неискренне и поверхностно, и будучи отвергнутым, немедля утешается:

Как рано мог он лицемерить,
Таить надежду, ревновать,
Разуверять, заставить верить,
Казаться мрачным, изнывать...
Как взор его был быстр и нежен,
Стыдлив и дерзок, а порой
Блистал послушною слезой!

(1.X)

Со временем, однако, светские красавицы становятся для него слишком капризны, неверность докучной, и завтра то же, что вчера, — он погружается в скуку. Им понемногу овладевает сплин. Лорнируя публику и актеров в театре, он зевает:

«Всех пора на смену;
Балеты долго я терпел,
Но и Дидло мне надоел».

(1.XXI)

Он удаляется от светской жизни и решает стать писателем. Он запирается в кабинете, но работа удручает его. В итоге «ничего не вышло из пера его» (1.XLIII).

И снова преданный безделью,
Томясь душевной пустотой,
Уселся он с похвальной целью
Себе присвоить ум чужой...

(1.XLIV)

Однако и эта попытка овладеть идеями других не принесла плодов. Ничто из прочитанного не удовлетворяет его, и он со скепсисом оставляет и книги:

Читал, читал, а все без толку:
Там скука, там обман и бред...
Как женщин, он оставил книги,
И полку с пыльной их семьей
Задержнул траурной тафтой.

(1.XLIV)

Узнав о неминуемой смерти дяди, которой он так ждал, Онегин бросается за наследством в деревню, однако скука и там настигает его в какие-нибудь два дня:

Хандра ждала его на страже
И бегала за ним она,
Как тень иль верная жена.

(1.LIV)

Нарциссическая склонность к самоидеализации у Онегина налицо. Далее мы слышим, как он:

Всегда нахмурен, молчалив,
Сердит и холодно ревнив.

(4.XV)

Когда он презрительно смотрит сквозь лорнет на танцовщиков и публику, кажется, что он «убивает взглядом» всякое потенциально радостное переживание и распространяет свою неудовлетворенность на окружающих. Речь не о том, имело ли это отношение к реальности тогдашнего общества, а о собственной надменности и капризности, проецируемых им на общество, с которым он отождествлялся. Как мы говорили в обсуждении «Ромео и Джульетты», для подросткового периода довольно обычное явление, когда человек отщепляет аспекты себя и помещает их в других, применяя бессознательную фантазию в проективной идентификации. Если это происходит как часть обмена «ты мне, я тебе» в рамках подростковой группы, где есть все же вероятность возвращать себе — возможно, в измененном виде, — спроецированные на других части, это может давать некоторый эмоциональный опыт, обучение и развитие.

Однако нет никаких признаков такой ситуации у Онегина. Его обильное расщепление и проективная идентификация носит характер оторванности, асоциальности, так как используется, чтобы выбрасывать эти части вовне и таким образом оградить его от неприятных переживаний. Наряду с этим происходит вторжение в то, что было написано или помыслено другими, в попытке присвоить готовую, «под ключ», пакетную идентичность без необходимости выстраивать свою идентичность для себя на основе собственного опыта. Нет никаких колебаний между сближением и отдалением, характерных для обычных социальных взаимодействий. Действуя таким образом, он минует любые возможные тревоги и раны взросления. Такое псевдо-опыт может приводить к образованию псевдо-взрослой личности, опирающейся на инфантильные эмоции (Meltzer, 1973, pp. 51-7), сходной с идеей «ложного селф», описанного Винникоттом (1960).

Исторгая вовне, в других свою личность, Онегин оставляет себе чувство превосходства, не подкрепляемое, однако, ничем таким, что можно было бы реально выразить, «томясь душевной пустотой». Обладать книгами, пером и фантазиями о том, как «быть» писателем, конечно, писателем его не делает. Его неудача в попытке эмоционально вовлечься в новые идеи и новые отношения, обусловлена завистью к тем, у кого есть нечто, что хотел бы иметь он сам, и переживать эту зависть напрямую для него слишком больно. Попытка украсть мысли других помогает избегать боли, сопровождающей настоящее чувство зависти к тем, кто пишет. Невыраженная зависть Онегина ведет и к тому, что книги кажутся ему ничтожными, когда он все же берется их читать. Описание книжной полки, скрытой за «траурной тафтой», намекает на то, что эту неудачу он прячет сам о себя. Это так не похоже на настоящее переживание траура, в котором произошло бы и эмоциональное признание «смерти» себя как писателя, и отречение от средств, к которым он прибегал для достижения своей цели. Когда Онегин

вступает в права собственности на наследное имение, он также ожидает, что ему удастся принять и роль умиротворенного сельского помещика. Нетрудно представить, что непристойная спешка и жадность при вступлении в наследство — безо всякого оплакивания дяди, о котором он думал только «когда же черт возьмет тебя!» — могли схлынуть вместе с токсичным эмоциональным наследством, разрушавшим его способность к радости.

Образ Онегина ярко контрастирует с образом его нового друга, также помещика и соседа, поэта Ленского, который справлялся с «сомнениями сердца своего» и все еще считал жизнь «заманчивой загадкой» (2. VII). И Онегин, и сам Пушкин посмеиваются над Ленским, иронизируя над его стихами о «романтических розах»:

Он пел разлуку и печаль,
И нечто, и туманну даль...
Он пел поблеклый жизни цвет
Без малого в восемнадцать лет.

(2.X)

Когда Ленский заводит романтический разговор, Онегин, отпуская в ответ ядовитые комментарии, все же умеет сдержаться и подумать, что стоит простить «горячке юных лет и юный жар, и юный бред» (2.XV). Онегин с Ленским постепенно становятся друзьями, и Пушкин, описывая оттенки Онегинского цинизма, иронично замечает в сторону, что так люди бывают «от делать нечего друзья». Вспомним, что Онегину в начале романа восемнадцать. Ленский, с его изумительной юношеской простотой и романтизмом, весьма удобная для Онегина личность, в которую он может с помощью проективной идентификации поместить собственные остатки юношеских стремлений, оставляя себе этакий взгляд сверху, с якобы зрелых позиций (по сути, фальшивых).

Ленский с детства был страстно влюблен в свою соседку, Ольгу Ларину, и Онегин за компанию поехал с ним с визитом в это семейство. Там он познакомился с Татьяной, сестрой Ольги. Пушкин описывает, как Татьяна в детстве не любила кукол, как другие дети,

Ей скучен был и звонкий смех,
И шум их ветреных утех.

(2.XXVII)

Ей рано нравились романы,
Они ей заменяли все;
Она влюблялася в обманы
И Ричардсона и Руссо.

(2.XXIX)

Имена Татьяны и Онегина молва начинает упоминать вместе, что Татьяну вовсе не радует. Однако

Пришла пора, она влюбилась.
Так в землю падшее зерно
Весны огнем оживлено.

(3.VII)

Теперь персонажи романов, которые она жадно читает, «в одном Онегине слились» (3.X), она воображает себя героиней «своих возлюбленных творцов» (3.X). Татьяна как будто помещает себя в эти романы и растворяется в идентичностях их романтических героинь. Временно потерять себя в книге — это бывает так часто, из этого опыта человек выходит,

усвоив нечто из прочитанного, внутренне обогащенным. В этом процессе можно познакомиться с персонажами, о которых читателю хочется думать, которых хочется понять — или, особенно в подростковом возрасте, даже стать похожим на них. Иными словами в итоге происходит некая форма интроспективной идентификации, через которую обогащается внутренний мир человека. Однако настойчиво формируемая проективная идентификация с персонажами романов, желание «быть» как они, не подразумевает проживание собственного опыта в повседневной жизни и отодвигает или затмевает обыкновенные трудности взросления во внешнем мире. Похоже, именно это происходит с Татьяной в момент нашего знакомства с ней: похоже, она избегала реального опыта детства и, может быть, того неприятного и нежеланного для нее факта, что она еще ребенок, а не романтическая героиня. У нее не было детской игры, которая «позволяет организовывать вхождение в эмоциональные отношения, а вслед за тем и установление социальных контактов» (Winnicott, 1964, p. 145). Однако, похоже, что «огонь весны», огонь подростковости, осветил ее душу, и она влюбляется. Онегин становится для нее внешним представителем героев всех романов, и ей достается роль внешней героини, которая охвачена желанием быть любимой им. Однажды перед сном Татьяна, гонимая «тоской любви» (3.XVI), пытается унять жар сердца и просит старую няню рассказать ей о старине:

...Расскажи мне, няня,
Про ваши старые года:
Была ты влюблена тогда?

(3.XVII)

Однако она не слушает нянины рассказы о трудной жизни. Ей больше не достаточно чужого опыта, ни няниного, ни опыта, в котором она пассивно «становится» романтическим персонажем романа, и она бросается писать торопливое письмо Онегину. Она очертя голову устремляется к собственным отношениям во внешнем мире:

Зачем вы посетили нас?
В глуши забытого селенья
Я никогда не знала б вас,
Не знала б горького мученья.
Души неопытной волненья
Смирив со временем (как знать?),
По сердцу я нашла бы друга,
Была бы верная супруга
И добродетельная мать.
Другой!.. Нет, никому на свете
Не отдала бы сердца я!
То в вышнем суждено совете...
То воля неба: я твоя;
Вся жизнь моя была залогом
Свиданья верного с тобой;
Я знаю, ты мне послан богом,
До гроба ты хранитель мой...
Ты в сновиденьях мне являлся
Незримый, ты мне был уж мил,
Твой чудный взгляд меня томил,
В душе твой голос раздавался
Давно... нет, это был не сон!
Ты чуть вошел, я вмиг узнала,
Вся обомлела, запылала

И в мыслях молвила: вон он!
Не правда ль? Я тебя слыжала:
Ты говорил со мной в тиши,
Когда я бедным помогала
Или молитвой услаждала
Тоску волнуемой души?
И в это самое мгновенье
Не ты ли, милое виденье,
В прозрачной темноте мелькнул,
Приникнул тихо к изголовью?
Не ты ль, с отрадой и любовью,
Слова надежды мне шепнул?
Кто ты, мой ангел ли хранитель,
Или коварный искуситель:
Мои сомненья разреши.

(3.XXXI-II)

В любых новых отношениях мы всегда, должно быть, неопытны, а первые отношения в подростковом возрасте отмечены еще и таким дополнительным элементом, как вхождение в новый способ контакта с представителями противоположного пола. Недостаток у Татьяны внутреннего опыта, извлекаемого из сближений и отталкиваний в детской игре, по-видимому, ослаблял ее в этой ситуации встречи с Онегиным, но теперь она все-таки решает прожить собственный опыт. Она говорит о своей любви, осознавая и признавая свое волнение, свою неопытность души, хотя и упрекает Онегина в том, что это он заставляет ее так страдать. Для этого ей приходится открыться своему примитивному чувству преследования и своим сомнениям в идеализации его образа: станет ли он ее ангелом-хранителем, вероятно связанным с младенческой фантазией о матери или няне у изголовья, или это коварный искуситель, каким-то образом перекликающийся в ее сознании с соблазняющим любовников в романах, таким как Ловелас в «Клариссе» (Richardson, 1747)?

Несмотря на эти поляризованные представления, ее поступок отражает ее уход от пассивной эмоциональной жизни в романах; пусть она все еще мечтает быть романтической героиней, однако романтика теперь размещается во внешнем мире. Она также сторонится «добродетельного» опыта матери, которая не вышла замуж за человека, которого любила. Ее сокрушительный, необдуманный порыв любви к Евгению показывает, что для нее поиск внешних отношений был лишь отложенным, но не запрещенным, а также предполагает, что ее погруженность в романы теперь нужна ей не только, для того чтобы «быть» их героиней, но и утоляет жажду знать и желание подражать им. Она способна теперь использовать новый «огонь» подростковости для проверки того, как ее мощная «толпа сладких желаний» может быть прожита во внешнем мире, и готова узнать, суждено ли ей стать счастливой героиней или сгореть.

Онегин, проводя пустые годы в безделье, переходил от одних отношений к другим, не проживая опыта отказов и любых переживаний, который могли бы причинить боль. Автор наглядно показывает, к какой пустоте внутреннего мира это привело. Онегин пропускал все возможности ощутить свою способность или желание быть в по-настоящему любящих отношениях: «Вот как убил он восемь лет» (4.IX, X). Тем не менее, он «живо тронут был» письмом Татьяны и не захотел «обмануть доверчивость души невинной». При встрече он холодно отвергает ее. Он говорит ей, что ее искренность «в волненье привела давно умолкнувшие чувства» (4.XII) и что он не выбрал бы никого, кроме нее, если бы захотел ограничить жизнь домашним кругом; однако он «не создан для блаженства», и его любовь быстро угаснет. Он описывает себя как недостойного и завистливого человека и завершает свою речь тем, что Пушкин назвал «проповедью», сделанной несколько свысока:

Полюбите вы снова: но...
Учитесь властвовать собою.
Не всякий вас, как я, поймет;
К беде неопытность ведет.

(4.XVI)

Пушкин с некоторой долей иронии предполагает, что мы согласимся с его оценкой, когда он характеризует поступок Онегина как «души прямое благородство», но находит момент и чтобы бросить камень в его огород (4.XVIII). Только в завершающей сцене романа герой признает, как он издевался над Татьяной, когда она была девочкой, «которой он пренебрегал в смиренной доле» (8.XX). Татьяна позднее тоже вспоминает ту беседу:

«И нынче — боже! — стынет кровь,
Как только вспомню взгляд холодный
И эту проповедь... Но вас
Я не виню...»

(8.XLIII)

Онегин пытается избавиться от волнений любви, которые неизбежно должны были бы прийти в столкновение с его бессердечием. В красивейшем спектакле Большого театра в Москве в 1983 году Онегин на мгновение обнимает Татьяну, а затем быстро отдергивает руку, и этот жест передает ощущение, что он почувствовал порыв, но хотел избежать риска и возможной боли, связанной с дальнейшими переживаниями. Он не просто отрицает собственное признание того, что бессердечие приносит боль, но и к концу своей речи преподносит свою неспособность к отношениям чуть ли не как добродетель, а не дефект. Он признает свою зависть, но так, словно это должно беспокоить только Татьяну. Он прячется в снисходительной позиции, из которой может себе позволить признавать и свои, и Татьянины несовершенства. Он поучает Татьяну, чтобы она училась сдерживаться, заявляя, что «к беде неопытность ведет».

Но мы-то знаем, что сам он эмоционально как раз неопытен. Его собственная привычка «властвовать собой» основывается на том, что ему и неведомо никакое эмоциональное переживание; он не допускает, чтобы отношения приобретали для него какое-либо личное значение, а, стало быть, и не рискует, что из-за них придется горевать. Он не способен столкнуться с испытанием — с проживанием уже признаваемого им своего бессердечия или с исследованием своей завистливой части. Мы также видели ранее, как он может быть оторван от своей менее бессердечной стороны, которую он помещает в Ленского.

Подростковый период дает второй шанс росту и развитию в условиях новых отношений; Татьяна и Онегин очень по-разному используют этот шанс. Татьяна испытывает на прочность свое чувство идентичности как «взрослой» героини, проистекающее из детских идентификаций с литературными персонажами, — проходит через «души неопытной волненья»; она решается на настоящий непосредственный опыт в реальной жизни и сталкивается со всеми сопутствующими горестями. Это еще один пример поисков знания через опыт, который хорошо описывается понятием Биона — «К-связь» (Bion, 1962a). Онегин же ограничен завистью, годами безделья и закономерной «душевной пустотой» (1.XLIV), он не в состоянии воспользоваться этой возможностью развития, в его судьбе это случится позднее, в отложенном решении задач подросткового периода. А пока он произносит проповедь из псевдо-взрослой, заимствованной позиции, в которой он заявляет, что знаком с бедами, на деле не сталкиваясь с «души неопытной волненьями». Неспособность эмоционально прожить (в смысле бионовского К) собственный опыт — это препятствие на пути эмоционального развития, необходимого

для взросления. Горестные последствия этой непрожитости опыта для Онегина станут очевидны позднее.

Татьяна томится. Онегин отбывает в свое поместье, чтобы там вести, по выражению Пушкина, жизнь анахорета (4.XXXVII): вкусная еда, а «порой белянки черноокой молодой и свежий поцелуй» (4.XXXIX). Ленский, полный любви к Ольге, уговаривает упирающегося Онегина поехать с ним к Татьяне на именины (4.XLIX). Незадолго до этого Татьяна видит ужасный сон о том, как Онегин возглавляет банду чудищ, — предвосхищение последующих событий. Когда Татьяна видит его на празднестве, она дрожит и чуть ли не падает в обморок (5.XXX). Онегина раздражает такая реакция, и когда

...девы томной
Заметь трепетный порыв,
С досады взоры опустив,
Надулся он и, негодуя,
Поклялся Ленского взбесить
И уж порядком отомстить.

(5.XXXI)

Однако когда Татьяна принимает поздравления с именинами, он настроен уже иначе:

Когда же дело до Евгенья
Дошло, то девы томный вид,
Ее смущение, усталость
В его душе родили жалость:
Он молча поклонился ей,
Но как-то взор его очей
Был чудно нежен. Оттого ли,
Что он и вправду тронут был,
Иль он, кокетствуя, шалил,
Невольно ль, иль из доброй воли,
Но взор сей нежность изъявил:
Он сердце Тани оживил.

(5.XXXIV)

Мсть Ленскому, однако, не отменяется, и он увлекает Ольгу в танце, шепчет ей нежности и не оставляет Ленскому шанса танцевать с ней. Ольга очень довольна собой, однако совершенно не замечает, как явно переменяется эмоциональная атмосфера; Ленский «в негодовании ревнивом» (5.XLIV) бросает Онегину вызов на дуэль (5.XLV). Ясно, что Онегин переложил свою ярость и гнев на Ленского, а лучше сказать, вложил их в Ленского.

Татьяна пыталась расшифровать смысл страшного сна об Онегине — «мечтанья страшного значенья» — и обращалась для этого к соннику; она ищет там «бор, буря, ведьма, ель, / Еж, мрак, мосток, медведь, метель / И прочая.» (5.XXIV), словно личный смысл сновидения можно добыть из такого безличного и распространенного источника. Теперь же она начинает изучать собственный, непосредственный опыт общения с Онегиным, пересматривает свои противоречивые впечатления. Не в состоянии уснуть, она перебирает события дня, вспоминает смутившую ее минутную нежность, а затем его заигрывание с Ольгой, и «до глубины души своей она проникнута». Она чувствует неминуемую гибель, «хоть гибель от него любезна», но признает:

Я не ропщу: зачем роптать?
Не может он мне счастья дать.

(6.III)

Онегин не может вынести эмоционального трепета Татьяны, так явно относящегося к нему и напоминающего о том, как она на мгновение пробудила его от бессердечия. Не может он вынести и собственного мимолетного переживания нежности. Ненависть и проекции он использует, чтобы рассеять боль. Страдать должен будет Ленский — не только за то, что уговорил приехать к Лариным, но, вероятно, и за то, что возбудил в Онегине зависть к паре, способной на яркие любовные отношения. Разрушительная атака на отношения Ленского и Ольги демонстрирует перверсивную форму компенсации, примененную Онегиным в ответ на свою нерешительность позволить себе дальнейшее эмоциональное открытие потенциально любовных чувств между ним и Татьяной; вместо углубления в собственную зыбкую нежность, он находит удовольствие в разрушении. Вместо того, чтобы поощрять свой опыт К-связи и пытаться познать свои собственные эмоции, Онегин явно предпочитает испытать «минус К», основанное на фальшивом чувстве морального превосходства и идее, что «непонимание стоит выше, чем способность понимания», что «тут присутствует ненависть к любому новому шагу в развитии личности, словно любой шаг в развитии — это соперник, которого надо уничтожить» (Bion, 1962a, pp. 95-98).

Онегин успешно отстраняется от самого себя в том порыве чувств, из-за которого «взор его очей был чудно нежен», и проецирует свою ненависть и раздражение на Ленского, чтобы уже тот чувствовал себя мстительным и несговорчивым. Наутро Онегин получает от Ленского вызов:

Он обвинял себя во многом:
Во-первых, он уж был неправ,
Что над любовью робкой, нежной
Так подшутил вечер небрежно.
А во-вторых: пускай поэт
Дурачится; в восемнадцать лет
Оно простительно. Евгений,
Всем сердцем юношу любя,
Был должен оказать себя
Не мячиком предрассуждений,
Не пылким мальчиком, бойцом,
Но мужем с честью и с умом.

(6.X)

Он должен был обезоружить
Младое сердце...

(6.XI)

С позиции разумного превосходства, «мужа с честью и умом» Онегин сожалеет о сделанном, хотя и называется это у него уже иначе: «подшутил небрежно», хоть и бессердечно. Это показывает, как он отстранился от проживания исходных невыносимых эмоций, которые теперь помещены в Ленского, которого он якобы любит. Ему кажется, что уж поздно что-то менять, особенно когда в историю с дуэлью уже вовлечен сосед, Зарецкий — секундант Ленского, ревнитель правил. (Здесь Пушкин немного отвлекается и рассуждает о том, как повеса и буян Зарецкий на самом деле изменился позже: «Так исправляется наш век!» [6.VI].)

Когда Ленский понимает, что Ольга даже не догадывается о душевной буре, которую она вызвала у него, он вновь чувствует, что любим ею и решает защитить ее от Онегина. Он отправляется на дуэль с болью в сердце, написав романтические стихи.

Татьяна не знает о дуэли и тоскует по Онегину. В сцене дуэли Пушкин, вспоминая былую дружбу Онегина и Ленского, спрашивает:

Не разойтись ль любовно?..
Но дико светская вражда
Боится ложного стыда.

(6. XXVIII)

В опере переживания о дуэли между старыми друзьями, печально расстающимся с дружбой, звучат в партиях Онегина и Ленского в форме канона перед дуэлью. Kobbe (1976) предполагает, что «форма канона в точно выражает отношения — мысли двух мужчин подобны друг другу, но разделены формой и сходятся только там, где они сожалеют о том, что этикет не дает им помириться в последние минуты». Мы также знаем, что здесь свою роль играют остатки Онегинского гнева и ревности, которые вместе с его способностью любить отщеплены от него, и в итоге он бессердечно сражается с Ленским. Зарецкий управляет процедурой, и Ленский убит.

Мгновенным холодом облит,
Онегин к юноше спешит,
Глядит, зовет его... напрасно:
Его уж нет.

(6. XXXI)

В тоске сердечных угрызений,
Рукою стиснув пистолет,
Глядит на Ленского Евгений.
«Ну, что ж? убит», — решил сосед.

(6. XXXV)

Пушкин оплакивает смерть Ленского и утрату его надежд, однако — «чтобы правду вам сказать» — также предполагает, что он мог в дальнейшем утратить поэтические надежды и, возможно,

Пил, ел, скучал, толстел, хирел,
И наконец в своей постеле
Скончался б посреди детей,
Плаксивых баб и врачей.

(6. XXXI)

Он уходит от основной линии повествования, обещая позже вернуться и рассказать нам о том, что было дальше:

Но не теперь. Хоть я сердечно
Люблю героя моего,
Хоть возвращусь к нему, конечно,
Но мне теперь не до него.

(6. XLIII)

Фрейд (1917) описал, как смерть неизбежно влечет за собой болезненную работу горя, призывая не только признать смерть саму по себе, но также и процесс пошагового расставания с ожиданиями и надеждами во внешнем мире, связанными с ушедшим, пока это не сможет стать «свободным и безудержным» (с. 245). Кляйн (1940), развивая идеи Фрейда и Абрахама (1924), показала природу внутреннего замешательства, следующего за

смертью и утратой, и то, как ущерб, от которого страдают любящие близкие, должен быть признан и получить сожаление, чтобы стало возможным восстановить гармоничные отношения в нашей душе.

В «Евгении Онегине» Пушкин — как он ранее пишет о себе и о своей поэзии, — воплощает переживание утраты и необходимость скорби, хотя это, может быть, и не вполне удастся. Он помогает нам осознать, как в этом процессе порой возникают циничные, маниакальные и персекуторные импульсы, а также попытки ускользнуть от осмысленной ментальной жизни. Он также показывает нам в некотором роде чувства дефицита хорошего и внутренней бедности, которые могут возникать в связи с утратой и смертью и которые в этой истории некоторые персонажи никак не могут признать. Он с сожалением и искренностью пишет, произаически и иронически, о смерти «юности легкой» (6.XLV), подразумевая свою подростковую жизнь, и благодарит за ее дары. (Особенно печально читать это, зная, что сам автор умер из-за ранения на дуэли через семь лет после завершения «Евгения Онегина») Говоря о себе как о поэте, он оглядывается в прошлое, но призывает «младое вдохновенье» оживлять его «дремоту сердца»:

Не дай остыть душе поэта,
Ожесточиться, очерстветь,
И наконец окаменеть
В мертвящем упоенье света...

(6.XLVI)

Вина за смерть пушкинского коллеги, поэта Ленского лежит на Онегине, в ком заморожена способность к раскаянию, а внутренний мир остается ожесточенным, очерствелым, окаменевшим, наполненным психической реальностью мертвого Ленского. Онегин не может горевать. Любовь — на мгновение показавшаяся в момент смерти Ленского и дававшая опору для раскаяния — осталась в «мгновенном холоде», в «тоске сердечных угрызений». Он «начал странствия без цели», оставил дом:

Где окровавленная тень
Ему являлась каждый день...

(8.XIII)

Одержимый и гонимый из дому образом неоплаканного Ленского в себе и вовне, в смятении внутреннего мира, Онегин погружается в бесконечные блуждания в попытке уйти и рассеять постоянно возвращающееся чувство преследования в себе самом, которое он считает бесцельным, бессмысленным.

Ольга тоже была слишком поглощена собой, чтобы осознать боль Ленского в тех событиях, которые привели к вызову на дуэль, и после его смерти он вскоре утешилась в объятиях улана. На ее свадьбе она стоит под венцом «с улыбкой легкой на устах» (7.X). Малейшее переживание скорби игнорируется; даже читается своеобразный маниакальный триумф, ведь она выжила и выходит замуж.

Мой бедный Ленский! Изнывая,
Недолго плакала она.

(7.X)

Татьяна чувствует себя покинутой, когда Ольга уезжает, ее «сердце рвется пополам» (7.XIII). Этот отъезд напоминает ей об отъезде Онегина, хотя она чувствует и намерение порицать его как убийцу Ленского, несмотря на то, что сам Ленский со своими стихами быстро забыт. Она приходит в дом Онегина, из которого тот уехал в свои странствия, и с

трепетаньем читает его заметки на полях немногих оставшихся книг. И тут она испытывает отчетливое ощущение вторичности его жизненного стиля:

Созданье ада иль небес,
Сей ангел, сей надменный бес,
Что ж он? Ужели подражанье,
Ничтожный призрак...
Чужих причуд истолкованье,
Слов модных полный лексикон?..

(7.XXIV)

Татьяна отказывает претендентам на ее руку и с ужасом думает о планах матери вывезти ее в Москву, «на ярмарку невест» (7.XXVI), где ее, скромную провинциалку, будут выставлять на всеобщее обозренье. В слезах она прощается с любимыми чертами родных полей. В Москве ее принимают в свой круг юные кузины, и общество благосклонно к ней, однако ей мало проку в бессмысленных сплетнях московской жизни, и она хранит в тайне «заветный клад и слез и счастья» (7.XLVII), тоскуя по деревне, книгам и месту, «где *он* являлся ей» (7.LIII). Глава заканчивается тем, что с нее не сводит глаз некий важный господин: «Кто? толстый этот генерал?» (7.LIV).

Визит Татьяны в дом Онегина, где она изучила его натуру и пересмотрела свое отношение к нему, — это по сути проверка реальности и попытка оплакать утрату надежд. Несмотря на то, что она в целом смогла отказаться от надежд на него во внешнем мире, в ее душе хранились печальные воспоминания, идеализированные, романтические, окрашенные интонацией ее любимых романов; эти воспоминания могли препятствовать завершению скорби и возможности дальнейшего эмоционального развития в новых отношениях. Спустя каких-нибудь два года двадцатилетний Онегин, которому наскучили его путешествия,

Томясь в бездействии досуга
Без службы, без жены, без дел,
Ничем заняться не умел.

(8.XII)

Он приходит на вечер в Санкт-Петербурге. Пушкин размышляет в стороне, все тот же он или явится в какой-то новой роли:

...Космополитом, патриотом,
Гарольдом, квакером, ханжой,
Иль маской щегольнет иной,
Иль просто будет добрый малый,
Как вы да я, как целый свет?..
— Знаком он вам? — И да и нет.

(8.VIII)

Ранее Пушкин признавался, что ему нравится его «герой» (в другие моменты он описывал его в менее привлекательных чертах) и сомневается, не слишком ли строго мы его судим. Он размышляет далее со смешанными чувствами о природе юности, мол, блажен тот, «кто в двадцать лет был франт иль хват», а потом «славы, денег и чинов спокойно в очередь добился» (8.X), но также ропщет:

Но грустно думать, что напрасно
Была нам молодость дана,
Что изменяли ей всечасно,

Что обманула нас она...

(8.XI)

Здесь, пожалуй, мы можем уловить обобщающий взгляд на многоплановые проявления молодости и, возможно, некоторую надежду в идее, что «приятель молодой и множество его причуд» (7.LV), подобный Онегину, как и другие подростки, получить некую добавку способности к изменениям и развитию, отказаться от своей «позы», своих мощных проективных идентификаций в других персонажей и взрослея стать узанным в своей идентичности.

Онегин озадачен: неужели эта молодая, уверенная, невозмутимая и явно в целом высоко ценимая гостя — та самая Татьяна. Он спрашивает о ней генерала, князя Грешина. Генерал представляет его Татьяне, ныне своей жене. Татьяна удостаивает Онегина короткой вежливой беседой. Возможно ли, чтобы это была та Татьяна, которой он читал наставленья, чье письмо до сих пор хранит, девочка, которой он пренебрег? Вскоре уже сам Онегин страдает, его посетила «забота юности — любовь» (8.XXI).

Он теряет в ее присутствии, Татьяна же теперь из девочки «несмелой, влюбленной, бедной и простой» стала «равнодушной княгиней» (8.XXVII). Онегин «в тоске любовных помышлений» всюду следует за ней, но тщетно: Татьяна держится с ним вежливо и отстраненно. Теперь уже он пишет ей любовное письмо, в нем он винит себя за то, что не ответил когда-то на ее порыв. Он ожидает в ответ презренья и гнева. Ответа нет, и при встрече он замечает, как она сурова и окружена холодом, «на сем лице лишь гнева след» (8.XXXIII). Он удаляется в свой кабинет, к книгам и проводит так всю зиму.

И что ж? Глаза его читали,
Но мысли были далеко;
Мечты, желанья, печали
Теснились в душу глубоко.

(8.XXXVI)

Онегин теперь совершенно явно захвачен своим внутренним миром. В его мыслях лишь «тайные преданья сердечной, темной старины» (8.XXXVI), воспоминания о смерти Ленского и о той, отвергнутой Татьяне. Пушкин добавляет:

Он так привык теряться в этом,
Что чуть с ума не своротил
Или не сделался поэтом.

(8.XXXVIII)

Онегин теперь скорбит и разворачивается к замороженным содержаниям, хранившимся глубоко в душе. Через истинное горе и сожаление внутренние образы получают возможность измениться: оплаканный Ленский перестает быть неумолимо преследовавшей его внутренней «окровавленной тенью», и отвергнутая Татьяна может стать менее внутренне замороженной. Внутренняя весна в Онегине приходит вместе с весной в Санкт-Петербурге. Он внезапно отправляется к Татьяне. И застаёт ее в горьких слезах перечитывающей, должно быть, его письмо — оживший образ «бедной Тани» из прошлого:

В тоске безумных сожалений
К ее ногам упал Евгений...

(8.XLI)

Татьяна в ответ спрашивает его, помнит ли он прошлое:

...Помните ль тот час,
Когда в саду, в аллее нас
Судьба свела, и так смиренно
Урок ваш выслушала я?
Сегодня очередь моя.

(8.XLII)

Она даже благодарит за тогдашний его прямой ответ, однако предполагает, что теперь он, может быть, намеревается опозорить ее на пике ее светской славы. Она, однако, готова была бы обменять постылые «успехи в вихре света» на старый дом, полку книг и место, где похоронена ее няня. Она вышла замуж, когда была погружена в печаль, и хотела лишь доставить удовольствие матери. Теперь она полагается на благородство Онегина и надеется, что он покинет ее:

Я вас люблю (к чему лукавить?),
Но я другому отдана;
Я буду век ему верна.

(8.XLVII)

Она уходит, и Онегин слышит шаги ее мужа. Пушкин обрывает повествование в этом месте, но прощается с нами и со своим твореньем «в строфах небрежных», с печалью упоминает первых слушателей романа — «иных уж нет, а те далече» (8.LI).

Татьяна подозревает, что Онегин может злонамеренно пытаться опозорить ее теперь, когда она покорила высшее общество, и Пушкин полагает, что упоминание зависти тут не случайно:

О люди! все похожи вы
На прародительницу Эву:
Что вам дано, то не влечет,
Вас непрестанно змий зовет
К себе, к таинственному древу;
Запретный плод вам подавай:
А без того вам рай не рай.

(8.XXVII)

Хотя можно согласиться с Bauley (1979) в том, что Онегин не выносил идеи семейной жизни, пока не увидел Татьяну замужней дамой, его зависть не играет тут ведущей роли, как это был в начале романа. Ранее — на роковых именинах Татьяны, после которых случилась дуэль и погиб Ленский, — завистливая часть была ведущей до такой степени, что он предпочел проигнорировать и возненавидеть свою любящую часть. Теперь же он позволяет себе чувства: «В Татьяну как дитя влюблен» (8.XXX). После периода, так сказать, зимних грез, Онегин входит в контакт со своей депрессивной, опечаленной частью, и его чувства углубляются. Описание его зимнего затворничества показывает, что болезненное горевание вызывает такой степени перемены во внутреннем мире, что это переживается как сумасшествие и близость к смерти. Пушкин также позволяет нам увидеть ситуацию с точки зрения все еще действующей — но уменьшающейся — циничной части Онегина, которую представляет здесь сам автор, когда высмеивает это погружение в болезненный процесс и его интегрирующий драйв. Это и есть та часть, с которой Онегин должен сразиться.

Героя отпускает давление «душевной пустоты», о которой говорится в начале романа и из-за которой Онегин пытался «себе присвоить ум чужой» (1.XLIV); он проживает, а не расчленяет свои эмоции и больше не играет ролей. Он становится более

целостным, «совместным» человеком, не бессердечным, а осознающим свои чувства всем сердцем. Его новая способность сожалеть и оплакивать свои ошибки показывает растущую способность учиться на своем опыте. Он также становится более взрослым. Заключительная речь Татьяны оставляет его в том, что в ее письме ранее звучало как «души неопытной волненья», переживания сердца, погруженного в «бурю ощущений», и он стоит, «как будто громом поражен» (8.XLVIII). Как это более глубокое эмоциональное осознание ответит на наличие пары Греминых, которой Татьяна остается верной? Нам остается только гадать о будущем.

Татьяна петербургского периода представлена как уверенная женщина, очень отличающаяся от себя прежней. Мы можем строить догадки о том, как произошла эта перемена, о том, как устроен ее брак и как она пришла к решению остаться верной мужу. Следует ли понимать это решение как проявление формальных моральных ожиданий, связанных со страхом возможной реакции модного света, если бы она покинула Гремина ради Онегина? Мы ничего не знаем о том, что происходит в этом браке. Там явно нет страстной любви со стороны Татьяны, но ощущается некая взаимная преданность друг другу. В опере их отношения читаются несколько более открыто: муж Татьяны, князь Гремин, говорит Онегину о любви и красоте, которую она привнесла в его жизнь, и по мнению Kobbe (1976), «это единственная ария, по сути, дает представление о настоящему благородном персонаже». В ответ на признание в любви от Онегина Татьяна припоминает прошлое, и в ее арии звучит мотив из арии Гремина, что укрепляет идею о некоем внутреннем обогащении. Муж Татьяны уже больше не «толстый генерал» из их первой встречи в Москве, каким он показался ее подростковому селф, однако по большей части ее чувства к нему отличаются от чувств к Онегину. Татьяна описана как очень естественная девушка без ужимок и затей (8.XIV), и кажется очевидным, что она ценит не высокое положение мужа и не то, что их чету «ласкает двор» (8.XLIV), однако она «твердо в роль свою вошла» (XXVIII).

Отсутствие фальши в ее поведении — по контрасту с тем, как Онегин перебирал идентичности до этого — просто поразительно. Татьяна, возможно, повторила за матерью историю, в которой женщина принимает брак, любя другого, так что в этом отношении ее позиция может перекликаться с героиней романтической книжки, например «Вертера» Гете (1774), которые она часто читала, однако не похоже (как говорит и Bayley, 1979), что это истинный голос ее «я». Ее воспоминание о бедной доброй няне и ее желание угодить матери своим браком наводят на мысль о том, что она теперь идентифицируется со внутренними репрезентациями этих любимых людей. Эта интроективная идентификация со внутренними объектами, по-видимому, дала основу более надежному ощущению того, как быть собой, и по большей части заменила ранее преобладавший процесс проективной идентификации, связанный с ощущением себя — и превращением — в романтическую героиню. Величавая и небрежная Татьяна, какой ее увидел Онегин в Санкт-Петербурге, также хранила в душе любовь к нему. Это сильно отличается от настроения и переживаний в ее первом письме и от образа влюбленной, которая «девственно грустит» в мечтах о том, с кем хотела бы совершить «смирный жизни путь» (8.XXVIII). Теперь же она говорит ему:

А счастье было так возможно,
Так близко!.. Но судьба моя
Уж решена...

(8.XLVII)

Ее горькие слезы над письмом Онегина, однако, могут указывать и на оживший «заветный клад и слез и счастья», ее мечтаний о нем как о романтическом герое — пробудившийся в ответ на его выражение любви к ней, но теперь надежно и надолго упрятанный и не допускаемый на свободу. Эти слезы также могут нести в себе и мир юности, в котором

казалось, что идеальное и заветное может быть достигнуто. Очевидно, Татьяна теперь даже не думает о внешнем выражении ее любви к Онегину. Ее новое спокойствие, которое мы видим в Санкт-Петербурге, по-видимому, происходит из накопительного процесса попыток «знать» и учиться из собственного опыта, из ее жизни, когда она любима во взаимоотноуважительных парных отношениях. Горести, которые принесли ей «души неопытной волненья» в ответ на «огонь весны», похоже, интернализированы теперь: то, чем «до глубины души своей она проникнута» бывала, теперь дало основу для спокойствия, зрелости и взросления, хотя она не получила реальных отношений и брака с тем, кто ей был нужен.

Пушкин показал нам, как и Татьяна, и Онегин переменялись и развились, больше узнали о себе и углубили способность любить. Теперь они более взрослые люди. Несмотря на то, что оба они лучше узнали сами себя, они все же не узнали по-настоящему друг друга, как подчеркивает и Bayley. Первоначальные чувства Татьяны к Онегину основывались на ее потребности в нем как в «герое», а он не был открыт для эмоционального опыта. Мы, читатели, остаемся с некоторой печалью из-за того, что они не смогли разделить исследование своей потенциальной способности любить в этот период «души неопытной волнений».

Пушкин помогает нам понять, что боль и радость подростковой любви должны возникнуть в человеке и дать ему настоящее осознание своего эмоционального влияния, и что этот опыт может задать основу для более зрелого развития в дальнейшем:

Любви все возрасты покорны,
Но юным, девственным сердцам
Ее порывы благотворны,
Как бури вешние полям:
В дожде страстей они свежуют,
И обновляются, и зреют —
И жизнь могущая дает
И пышный цвет, и сладкий плод.
(8.XXIX)